

УДК 94 (47) «08/16»

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.37.1.02

Р. С. Китаев

К вопросу о формировании политических традиций в истории Русского государства XIII–XVI веков

В статье рассматриваются основные подходы отечественных ученых к проблеме формирования и развития политических традиций Русского государства в XIII–XVI веках, а также оцениваются перспективы дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: политическая традиция; политическая культура; факторы влияния; историография.

Формирование политических традиций — одна из интересных и важных тем истории отечественного Средневековья. Она отражена в большом количестве научных трудов, хотя специальных работ, посвященных данной теме, в отечественной историографии не имеется. Политические традиции — неотъемлемая часть политической истории, отражающая специфику социально-политического развития государства. Они не являются абсолютно неизменными, так что небезынтересно выяснить, какие факторы влияли на их формирование и эволюцию в период XIII–XVI веков и каковы подходы исторической науки к данной проблеме.

Прежде всего, в историографии сложилось направление, согласно которому приоритетное значение в становлении политических традиций на Руси должно быть отведено внешнему фактору. При этом одни исследователи склонны акцентировать роль Золотой Орды, другие — Византийской империи. Сторонники первой точки зрения считают, что влияние Орды обусловило эволюцию власти на Руси: от демократической к деспотической модели отношений между правителем и подданными. Политической традицией становится модель внеюрисдикционного наказания подданного (опала), а глава государства принимает решение о наказании, ориентируясь не на нормы права, а на собственное желание (такова восточная модель отношений между правителем и подданными) [3: с. 42].

Вместе с тем формируется вертикаль власти, что связано с отказом от системы местного самоуправления и жестким подчинением региональной власти центру, а это как раз было свойственно империи монголов. Этот процесс А. Н. Сахаров характеризует следующим образом: ««Золотая Орда оказала сильное влияние на Русь в плане административно-управленческого устройства, полного уничтожения демократических начал в управлении русскими

землями (скажем ликвидации веча как института власти), усиления самодержавной монархической власти, окрашенной чертами восточного деспотизма, ужесточения в Московском царстве государственных начал и все большего подчинения как личности, так и целых сословий государству. Под влиянием Орды сложилась система приказов, а также финансовая, налоговая и судебная системы» [7: с. 107].

Сторонник особого влияния Золотой Орды Н. И. Веселовский отмечает также восточную специфику традиций в сфере посольского церемониала: например, традиции дарения подарков послам и принятия подарков посольством в стране пребывания, что вызывало недоумение в европейских странах [2: с. 18].

Следует заметить, что концепция определяющего ордынского влияния на формирование российских политических традиций была заложена евразийцами. «Традиции русской культуры для евразийцев, — пишет О. А. Сухорукова, — это, с одной стороны, политические и социальные институты власти, устоявшиеся в исторической жизни народа. Отсюда такое большое значение они придают монголам, по их мнению, повлиявшим на создание российской государственности» [8: с. 64].

Сторонники второй точки зрения (в рамках того же направления) считают, что принятие христианства и тесные связи Киевской Руси с Византией определили политические традиции удельных княжеств, а потом и единого Российского государства. Они полагают, что византийское влияние особенно ярко проявилось в церемониале великокняжеского двора. При этом проникновение византийских элементов в придворный церемониал связывается с браком Великого князя Ивана III с Софьей Палеолог. Так, И. Е. Забелин писал: «Под влиянием византийских идей и обычаев, живым представлением которых была Софья Палеолог и окружавшие ее греки, московский государь не только вполне сознал свое царственное значение, принял титул царя всея Руси, но и облек это значение в соответствующие царские формы... Новое устройство двора, установление новых придворных обычаев и торжественных чинов или обрядов, по подобию обычаев и обрядов двора византийского, навсегда определили высокий сан самодержца и отдали его в несоизмеримое расстояние от подданных» [4: с. 217].

Однако влияние Софьи на формирование придворного церемониала представляется сомнительным по нескольким причинам. Во-первых, основным источником, на который опирается И. Е. Забелин, служит сочинение П. Пирлинга «Россия и Восток». Однако, в другом источнике — «Путешествие Амвросия Контарини» — описание византийских элементов в придворном церемониале не встречается, на что обратил внимание В. И. Савва [6: с. 26]. Во-вторых, маловероятно, чтобы такой политический деятель, как Иван III, стал перестраивать традиции и обычаи в угоду жене. Государь, не пожалевший родных братьев, посвятивший всю жизнь созданию единого государства,

на первое место ставил дела государственные, а личные отношения были у него на втором плане.

Наконец, есть исследователи, признающие влияние как Орды, так и Византии. Например, Л. А. Юзефович, исследовавший посольские традиции Русского государства, убедительно показал, что они сформировались под влиянием как Византии, так и Золотой Орды [11: с. 11].

Данный подход представляется более убедительным: формирование политических традиций было связано как с влиянием монгольской державы, так и Византийской империи. При этом речь не может идти о слепом копировании. Скорее всего, имело место принятие и ассимиляция ряда традиций на местной национальной почве. Как писал Б. А. Успенский, «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру (Византию, потом западно-европейский мир). Таким образом, свою систему ценностей она черпала извне. Однако этот механизм имел свои особенности: попадая на русскую почву, эти модели получают нечто существенно новое — непохожее ни на заимствуемую культуру (то есть культуру страны ориентира), ни на культуру реципиента» [9: с. 5].

Другое направление в историографии вопроса ориентировано на поиск не внешних влияний, а внутренних факторов формирования политических традиций. Так, некоторые традиции, появившиеся еще в рамках удельной системы, постепенно видоизменялись в соответствии с новыми политическими реалиями времени создания и развития единого Российского государства. Приведем несколько характерных примеров. Начиная с Ивана Калиты, складывается традиция составления князем духовной грамоты, или завещания. Скорее всего, традиция сложилась ввиду опасности, которой подвергался князь, отправляясь в Орду. Духовная грамота была своеобразной страховкой от междоусобицы, которая могла возникнуть в случае гибели князя в Орде. Духовная грамота распределяла собственность между наследниками, регулируя отношения между братьями. Показательно, что в завещаниях Москва выступает как общая собственность всех братьев, их совместный удел. Такая традиция просуществовала до правления Ивана III. Великий князь, собиратель земель русских, отрицательно относился к старым удельным порядкам, и его государственная деятельность была направлена на их уничтожение. В его духовной грамоте появляется новый элемент — Москва передается по наследству наследнику престола Василию III в единоличное владение [1: с. 67].

Другой политической традицией стало появление крестоцеловальных (поручных) записей и применение их в политической практике. Формирующаяся самодержавная власть в лице великих князей московских, присоединяя территории удельных княжеств и подчиняя своей воле их владетелей, стремилась удержать бояр на службе. Право свободного отъезда князей, опиравшееся на традицию, не было отменено в законодательном порядке. Но московская власть фактически упразднила его с помощью таких средств, как государева

опала и крестоцеловальные (или поручные) записи. Наиболее ранний известный документ такого типа относится к правлению Ивана III. Отъезд князей с уделами из Литвы считался легитимным, отъезд в Литву — изменой. Князь М. Глинский провел в тюрьме двенадцать лет за попытку отъезда на родину в Литву. Крестоцеловальные записи вынуждены были дать на себя И. Ф. Бельский (1524), И. М. Воротынский (1525), Ф. И. Мстиславский (1529) и другие [5: с. 43]. Основателями российской эмиграционной политики можно считать великого князя Василия III и его сына царя Ивана Грозного, которые, столкнувшись с систематическим уходом своих бояр за рубеж, первыми стали брать с них поручные записи о том, что они не убегут из Московского государства. В случае попыток к побегу они взимали с них значительные денежные пени и отдавали провинившихся на поруки другим, которые обязывались платить за того, за кого они поручились. Причем платить необходимо было колоссальные суммы в 10–15 тыс. рублей. Иван Грозный, особенно подозрительный и боявшийся измены, связал практически всех служилых князей поручными записями о том, чтобы «служить верно государю и его детям, не искать другого государства и не отъезжать в Литву и иные государства» [5: с. 54]. Подчас поручные записи брались с других лиц и за самих поручителей. Такая практика создавала своеобразный механизм обратной связи в отношениях между монархом и правящей элитой. Появление у опального широкого круга влиятельных поручителей свидетельствовало о наличии в правящем слое определенного недовольства действиями монарха и заставляло правителя вносить поправки в свою политику, соглашаясь в той или иной форме допустить опального к участию во власти.

Самостоятельная политика царя Ивана Грозного началась с попытки нарушить некоторые из этих традиционных норм. Поручные записи, таким образом, стали отражением процесса формирования единого государства и усиления власти Великого князя. Показательно, что в период ослабления власти главы государства, количество поручных записей резко сокращалось, как было в период боярского правления в конце 30-х – начале 40-х годов XVI века. Этот интересный факт отмечает М. М. Кром [5: с. 17].

Еще одним показательным примером служит формирование института местничества, т. е. назначения на должность в соответствии с родословной. Традиция местничества появляется параллельно с процессом создания единого государства. Это явление было отражением специфики Средневековья, где не деньги, а родословная определяла статус человека в обществе. Появление местничества связано с процессом формирования политической элиты единого государства, где данная традиция выполняла роль своеобразного систематизатора отношений между различными политическими группировками, устанавливала определенные правила игры [10: с. 8]. Традицию местничества не смогла сломать даже опричнина Ивана Грозного и данное явление просуществовало до конца XVII века. Таким образом, приведенные примеры

показывают, что политические традиции складываются под влиянием процесса создания единого государства.

Еще одним важным, но недостаточно изученным фактором формирования традиций была деятельность православной церкви. В качестве примера можно указать на такие традиции, как крестоцелование, обряд помазания на царство, царские выходы и поездки по святым местам, печалование.

Несомненно, проблему формирования и эволюции политических традиций необходимо рассматривать комплексно, учитывая как факторы византийского и ордынского влияния, так и фактор перехода от удельной системы к единому государству. А учитывая большую роль православной церкви в истории Русского государства, необходимо принять во внимание и религиозный аспект. Лишь исследовав перечисленные факторы, можно получить более целостную картину формирования политических традиций Российского государства.

Литература

1. Бахрушин С. В., Черепнин Л. В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
2. Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911. 24 с.
3. Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
4. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 3-е изд. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 1129 с.
5. Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
6. Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М.: Куликово поле; Лавандр, 2012. 256 с.
7. Сахаров А. Н. Русь на путях к «Третьему Риму». Тула: Директ-Медиа, 2010. 170 с.
8. Сухорукова О. А. Формирование концепции государства во взглядах евразийцев: 1920–30-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тверь, 2004.
9. Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России: византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 140 с.
10. Эсин Ю. М. Очерки истории местничества в России XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.
11. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Посольский церемониал. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2011. 344 с.

Literatura

1. Baxrushin S. V., Cherepnin L. V. Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazey XIV–XVI vv. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 585 s.
2. Veselovskij N. I. Tatarskoe vliyanie na posol`skij ceremonial v moskovskij period russkoj istorii. SPb.: Tip. B. M. Vol`fa, 1911. 24 s.

3. *Gorskij A. A.* Moskva i Orda. M.: Nauka, 2000. 214 s.
4. *Zabelin I. E.* Domashnij by't russkix czarej v XVI i XVII stoletiyax. 3-e izd. M.: AST: Tranzitkniga, 2005. 1129 s.
5. *Krom M. M.* Vdovstvuyushhee czarstvo: Politicheskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 888 s.
6. *Savva V. I.* Moskovskie czari i vizantijskie vasilevsy': K voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei czarskoj vlasti moskovskix gosudarej. M.: Kulikovo pole; Lavandr, 2012. 256 s.
7. *Saxarov A. N.* Rus' na putyax k «Tret'emu Rimu». Tula: Direkt-Media, 2010. 170 s.
8. *Suxorukova O. A.* Formirovanie koncepcii gosudarstva vo vzglyadax evrazijcev: 1920–30-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Tver', 2004.
9. *Uspenskij B. A.* Czar' i patriarx: Xarizma vlasti v Rossii: vizantijskaya model' i ee russkoe pereosmy'slenie. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1998. 140 s.
10. *E'sin Yu. M.* Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XV–XVII vv. M.: Kvadriga, 2009. 512 s.
11. *Yuzefovich L. A.* Put' posla. Russkij posol'skij oby'chaj. Obixod. E'tiket. Posol'skij ceremonial. M.: ID Ivana Limbaxa, 2011. 344 s.

R. S. Kitaev

On the Formation of Political Traditions in the History of the Russian State of the XIII–XVI Centuries

The article considers the main approaches of Russian scientists to the problem of formation and development of political traditions of the Russian state in the XIII–XVI centuries, and also assesses the prospects for further study of this topic.

Keywords: political tradition; political culture; factors of influence; historiography.